

Пругавин А.С.

В казематах

Очерки и материалы по истории русских тюрем

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
А11

А11 **А.С. П.**
В казематах: Очерки и материалы по истории русских тюрем / Пругавин А.С. – М.: Книга
по Требованию, 2024. – 363 с.

ISBN 978-5-519-79725-2

ISBN 978-5-519-79725-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

выразить искреннюю признательность глубокому знатоку нашей русской исторіи, уважаемому Василю Ивановичу Семевскому за его указанія—всегда компетентныя и цѣнныя.

С.-Петербургъ,
20 сентября
1908 г.

* * *

Испытывалъ-ли ты, что значить задыхаться?
И видѣть надъ собой не глубину небесъ,
А звонкій сводъ тюрьмы,—и плакать и метаться,
И рваться на просторъ,—въ поля, въ тѣнистый лѣсъ?
Что значить съ бѣшенствомъ и жгучими слезами,
Остервенясь душой, какъ разъяренный звѣрь,
Пытаться оторвать изнывшими руками
Желѣзною броней окованную дверь?...

Надсонъ.

ШЛИССЕЛЬБУРГЪ.

Шлиссельбургъ и его узники.

Государственный режимъ, подъ гнетомъ котораго мы жили до послѣдняго времени, тотъ режимъ, который въ обществѣ получилъ названіе «бюрократаическаго», «полицейскаго» и «приказнаго» и который въ знаменательный день 17-го октября 1905 года былъ безповоротно осужденъ свыше,—принужденъ уступить свое мѣсто новому режиму, построенному на иныхъ, болѣе справедливыхъ, болѣе жизненныхъ началахъ и принципахъ.

Нужно ли говорить о томъ, какіе глубокіе и страшные слѣды оставляетъ въ исторіи страны, въ жизни народа, въ его характерѣ, во всемъ его духовномъ обликѣ этотъ старый, отжившій строй или, по выраженію консерваторовъ, — «укладъ», который однако насильно и во что бы то ни стало поддерживался заинтересованными въ томъ «командующими классами» русскаго общества и главнымъ образомъ, русскою бюрократіей какъ свѣтской, такъ и духовной.

Совершенно безсильный въ смыслѣ какой бы то ни было творческой, культурной, созидательной работы, этотъ режимъ или «укладъ» ознаменовалъ себя жестоко-реакціонной, ретроградной политикой, которая всецѣло царила у насъ, особенно

въ теченіе послѣдней четверти вѣка, захватывая всѣ области общественной, народной жизни и дѣятельности. Единственная цѣль этой политики состояла въ томъ, чтобы подавлять, тормозить и заглушать всякое проявленіе смѣлой, свободной мысли, свободной инициативы.

Въ борьбѣ съ проявленіями общественной мысли, которыя признавались оппозиціонными, русская бюрократія всегда отличалась необычайною суровостью. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно припомнить дѣятельность тѣхъ учреждений, которыя издавна стояли у насъ на стражѣ стараго режима: «Преображенскій приказъ», «Тайная розыскныхъ дѣлъ канцелярія», «Тайная экспедиція», «Третье Отдѣленіе» и наконецъ современныя намъ, въ извѣстной степени аналогичныя учреждения: «Департаментъ государственной полиціи», «Корпусъ жандармовъ» и такъ называемая «охрана», съ ея отдѣленіями, раскиданными по всей Россіи и съ безчисленными агентами—явными и тайными.

Каждый разъ, когда въ народѣ или въ обществѣ возникали движенія, имѣвшія цѣлью устранить зло и несправедливости, царившія въ русской жизни, или измѣнить условія, вызывавшія эти несправедливости, — представители стараго режима спѣшили во что бы то ни стало подавить эти стремленія. Арсеналъ оружія, съ помощью котораго старый режимъ вѣлъ борьбу съ прогрессивными общественными теченіями,—былъ крайне ограниченъ и состоялъ почти исключительно изъ разнаго рода репрессій.

Безпокойные люди, которые рѣшались выступить противъ произвола и тираніи всемогущей бюрократіи, которые осмѣливались поднимать свой голосъ за права и свободу народа, изнывавшаго подъ игомъ абсолютизма въ нищетѣ, рабствѣ

и невѣжествѣ,—чаще всего запирались въ каменные мѣшки, въ тѣсныя, сырыя, душныя казематы или же платились ссылкой въ далекія и глухія дебри.

Среди крѣпостей и тюремъ, съ помощью которыхъ старѣйшій режимъ отстаивалъ свое существованіе, первыя мѣста принадлежатъ: Шлиссельбургу, Петропавловкѣ, Соловецкому острогу и Суздальской крѣпости ¹⁾. Страшный слѣдъ оставили эти тюрьмы въ исторической жизни русскаго народа.

Къ сожалѣнію, исторія нашихъ политическихъ тюремъ до сихъ поръ выяснена у насъ очень мало. Даже о главныхъ русскихъ государственныхъ тюрьмахъ, каковы, напримѣръ, Шлиссельбургъ и Петропавловская крѣпость, — мы принуждены довольствоваться лишь отрывочными и случайными свѣдѣніями.

Правда, за послѣдніе 3—4 года появился дѣльный рядъ воспоминаній лицъ, имѣвшихъ несчастье на себѣ испытать тюремное или крѣпостное заключеніе въ теченіе болѣе или менѣе долгаго времени. Но почти всѣ эти воспоминанія относятся, главнымъ образомъ, къ современной намъ эпохѣ, къ самому послѣднему времени, и рисуютъ условія крѣпостного режима, существовавшаго въ нашихъ Бастиліяхъ въ 80-хъ и 90-хъ годахъ XIX столѣтія, а также въ теченіе первыхъ годовъ XX.

Эти воспоминанія, являясь прекраснымъ матеріаломъ для исторіи нашихъ государственныхъ тюремъ, въ то же время совершенно, конечно, не исчерпываютъ вопроса и не даютъ сколько-нибудь полной и законченной картины въ этой

¹⁾ О Соловецкомъ острогѣ и Суздальской крѣпости читатель найдетъ нѣкоторыя свѣдѣнія въ моей книгѣ „Монастырскія тюрьмы“ (второе дополненное изданіе „Посредника“).

области, такъ какъ касаются лишь отдѣльныхъ лицъ, отдѣльныхъ эпизодовъ. Но и такого рода матеріаломъ мы не располагаемъ относительно цѣлыхъ періодовъ и эпохъ русской общественной жизни. Такъ, напримѣръ, за время 40-хъ, 50-хъ и 60-хъ годовъ прошлаго столѣтія наши свѣдѣнія о Шлиссельбургѣ и Петропавловской крѣпости крайне скудны. И объ этомъ нельзя не пожалѣть, такъ какъ, по мѣрѣ усиленія общественнаго движенія за указанный періодъ, — печальная роль государственныхъ тюремъ все возрастала.

Разрывъ общества съ властью, рѣзко обнаружившійся уже со временъ Радищева, Новикова, Кречетова, съ теченіемъ времени постепенно усиливался и разрастался все болѣе и болѣе. Къ 20-мъ годамъ XIX столѣтія этотъ разрывъ обратился уже въ цѣлую пропасть, что и показало нагляднымъ образомъ дѣло декабристовъ.

Однако, власть по-прежнему продолжала игнорировать даже исполнѣ назрѣвшія общественныя и народныя потребности, оставляя ихъ безъ всякаго удовлетворенія и подавляя недовольство чисто репрессивными мѣрами, среди которыхъ первыя мѣста принадлежали: тюрьмѣ, крѣпости и ссылкѣ. Отсюда важное и крупное общественное значеніе этихъ способовъ борьбы со всякаго рода оппозиціонными стремленіями, отсюда необходимость близкаго знакомства съ исторіей нашихъ государственныхъ тюремъ, съ исторіей нашей ссылки.

Познакомимся-же, хотя въ самыхъ общихъ чертахъ, съ этой стороной печальнаго прошлаго.

Далекое прошлое.

I.

«Шлиссельбургская крѣпость—тюрьма историческая, имѣющая и древнюю, и новую исторію, и даже новѣйшую»,—читаемъ мы въ одной заграничной брошюрѣ. «Старая исторія ея еще хранится въ матеріалахъ, сложенныхъ въ архивахъ. Она блистаетъ нѣкоторыми историческими именами и вращается въ публикѣ въ видѣ отрывочныхъ, часто полужендарныхъ рассказовъ, въ которыхъ Шлиссельбургская тюрьма рисуется обыкновенно мѣстомъ, гдѣ замуровываютъ въ каменные мѣшки людей для того, чтобы свѣтъ забылъ объ ихъ существованіи» ¹⁾).

Разсказываютъ, на примѣръ, что одинъ изъ такихъ узниковъ, «заключенный въ началѣ царствованія Николая I-го и выпущенный на свободу послѣ 35 лѣтъ заключенія, никакъ не хотѣлъ повѣрить, что въ Россіи царствуетъ уже не Николай I, а Александръ II, котораго онъ зналъ ребенкомъ и все еще считалъ таковымъ, такъ какъ, вступивъ въ эту живую могилу, онъ какъ бы замеръ въ ней», потерявъ счетъ времени, а вмѣстѣ съ тѣмъ и счетъ своихъ собственныхъ лѣтъ, проведенныхъ во мракѣ крѣпостного каземата ²⁾).

¹⁾ „Могила русскихъ борцовъ — Шлиссельбургская крѣпость“. Carouge—Genève 1900 г.

²⁾ Тамъ же.

По нашему мнѣнію, исторія Шлиссельбурга естественнымъ образомъ распадается на три главные періода: первый—отъ момента завоеванія крѣпости до постройки *старой* шлиссельбургской тюрьмы. Въ теченіе этого періода лица, заточаемыя въ Шлиссельбургъ, томились въ башняхъ и каменныхъ мѣшкахъ крѣпости.

Второй періодъ обнимаетъ время когда функционировала старая шлиссельбургская тюрьма, главнымъ образомъ — XIX-й вѣкъ, до начала семидесятыхъ годовъ. И, наконецъ, третій, періодъ слѣдуетъ считать съ момента постройки *новой* шлиссельбургской тюрьмы, т.-е. съ 1884 года вплоть до освободительнаго движенія 1905 года, когда ворота Шлиссельбургской крѣпости, должны были раскрыться, и изъ нихъ вышли на свѣтъ божій посѣдѣвшіе въ казематахъ дѣятели «Народной воли».

За время перваго періода исторіи Шлиссельбургской крѣпости въ башняхъ ея, въ качествѣ колодниковъ, нерѣдко томятся знатные вельможи, когда-то всемогущіе временщики ¹⁾, ближайшіе родственники государей, члены царской семьи, царевна, царица и, наконецъ, свергнутый съ престола императоръ.

Одно время въ Шлиссельбургской крѣпости находилась въ заточеніи первая жена Петра Великаго — Евдокія Федоровна Лопухина. Сосланная первоначально въ 1698 году въ Суздальскій Покровскій монастырь, она была противъ воли пострижена въ монахини, подъ именемъ инокини Елены. Протестуя противъ насилія, произведеннаго надъ нею, бывшая царица отказывалась подчиниться монастырскому режиму, носила свѣтское платье и продолжала называться прежнимъ своимъ именемъ Евдокіи.

¹⁾ Такъ, напримѣръ, Биронъ, во время суда надъ нимъ, содержался въ Шлиссельбургской крѣпости съ 9-го ноября 1740 по 13-е іюня 1741 года, вмѣстѣ съ своимъ семействомъ до тѣхъ поръ, пока не былъ сосланъ въ Пелымъ.